

© 2001 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ

СОГЛАСНЫЕ, РАЗЛИЧАЮЩИЕСЯ УЧАСТИЕМ ГОЛОСА, КАК КОМПОНЕНТЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ СЛОВА В СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В описании славянской фонетики, начиная с праславянского состояния, важное место занимают правила сочетания звуков в линейной последовательности. В зависимости от допустимости/запрещенности сочетания оно при образовании звуковой последовательности сохраняется или устраняется путем разных изменений (включая утрату одного из компонентов сочетания). Такие изменения на всех этапах изучения славянской фонетики рассматривались в рамках последовательности рядом стоящих сегментов, т.е. сочетаний гласных, согласных друг с другом и с паузой (CC, CV, VC, VV, #C, #V, C#, V#). Это означает, что каждое сочетание звуков, хотя оно является частью слова/словоформы, изымается из общего фонетического контекста и рассматривается изолированно.

Синтагматически обусловленные фонетические изменения в праславянском и позже в отдельных славянских языках/диалектах каталогизированы в литературе с большой степенью полноты. При этом обнаруживается, что на фоне общего праславянского наследия, сформировавшегося ко времени падения редуцированных, отдельных языки/диалекты демонстрируют чрезвычайное разнообразие линейных фонетических изменений в звуковой цепи, многие компоненты которой являются следствием утраты слабых редуцированных. Это проявляется как в синтагматике гласных, так и согласных. Одинаковые сочетания в одних диалектах изменялись, в других – нет; или – изменялись по-разному в разных диалектах, или – в одних диалектах изменение представлено как исторический факт, а в других – как компонент актуальной фонетики. В этом плане показателен материал ОЛА, фиксирующий высокий уровень расхождения между славянскими диалектами в фонетическом оформлении тождественных морфем [Калнынь 1989а : 12].

Когда сообщается о синтагматических изменениях в звуковой цепи при описании одного языка/диалекта, это обычно дополнительных вопросов не вызывает – всегда есть конкретный перечень артикуляционных шагов, эксплицирующих уподобление/расподобление рядом стоящих сегментов (место, способ образования, участие голоса и под.). Но по-другому воспринимается звуковая синтагматика, взятая в масштабах славянского диалектного континуума, т.е. как многокомпонентное диалектное различие в том его понимании, какое дано в [Вопросы теории 1962]. В этом случае ситуация представляется в известном смысле парадоксальной.

Каждое фонетическое изменение в звуковой последовательности имеет своей целью произносительное удобство – естественная речь не может стремиться к созданию произносительных трудностей. Разнообразие же синтагматически обусловленных звуковых изменений в славянских языках/диалектах создает впечатление, что именно произносительное удобство в них после падения редуцированных понимается по-разному (хотя до падения редуцированных этого, по-видимому, не было). Встает вопрос о причинах разного изменения одних и тех же сочетаний, а также о причинах стабильности/неизменяемости того или иного сочетания.

Имея это в виду, можно предположить, что причина разнообразия звуковой синтагматики в славянских диалектах коренится не просто в артикуляционной специфике соответствующих сегментов, а определяется факторами другого порядка.

Можно думать, что главный из этих факторов состоит в том, что после падения

редуцированных изменилось пространство реализации синтагматических связей между звуками. До падения редуцированных таким пространством в основном был слог, имевший однотипное устройство (открытый, восходящая сонорность) и унифицированный относительно высоты тона (палатальная, велярная просодемы). После падения редуцированных синтагматическое пространство становится более разнообразным – это не только последовательность слогов, но и последовательность отдельных звуков.

Исходя из этого, можно полагать, что фонетические изменения регулируются не только взаимодействием рядом стоящих звуков, но и правилами, актуальность которых проявляется в более длинном пространстве, чем сочетание звуков или слог. Это – пространство, в рамках которого разворачивается фонетическая программа слова. Имеется в виду следующее.

Натуральной единицей членения звукового потока является фонетическое слово, которое развивается как линейный процесс между двумя потенциальными паузами. Как сказано в [Высотский 1978: 9], "...произносимое слово процессуально не только в силу своей протяженности во времени. Живой фонетический процесс сопровождает каждый акт говорения". Именно слово как фонетическое целое присутствует в сознании говорящих при порождении и восприятии речи. Фонетика слова организуется в соответствии с произносительной программой. Это – план-намерение, который формулируется до произнесения слова на основе пересчета и выбора из серии сегментных и суперсегментных возможностей, присущих данному идиому. Используя термин Трубецкого [Трубецкой 1960: 280], можно говорить о влиянии рамочной единицы на изменение сочетающихся в ее пределах звуков/фонем. Рамочная единица при этом понимается не как статическая конструкция, а как динамическая категория, определяющая разворачивание звуковой последовательности.

С тем, чтобы сделать содержательным сопоставление сегментной фонетики разных диалектов через призму фонетической программы слова, следовало бы выделить некие общие параметры программы и с их помощью оценивать отдельные факты фонетики. В качестве таких параметров выступают два вида связи между звуками в фонетическом слове.

В славянской фонетике синтагматически обусловленные изменения имеют **регрессивную и прогрессивную** направленность. По этим направлениям происходит ассимиляция/диссимиляция согласных, уподобление/расподобление гласных разных слогов, взаимовлияние гласных и согласных и под.

Регрессивное и прогрессивное изменение в звуковой последовательности представляют собой категориально разные явления в рамках фонетического процесса, которым образуется фонетическое слово.

Регрессивное изменение (первого звука перед вторым) даже в группе рядом стоящих звуков по своей сущности дистактно. Первый звук настраивает свою артикуляцию в предвидении еще не произнесенного, а только ожидаемого звука. Антиципация/предвидение определенного звука может оказывать на выбор произношения большее влияние, чем реальный состав звуковой последовательности (ср. сохранение звонкого согласного перед глухим после нулевой редукции разделявшего их гласного в русской разговорной речи и в диалектах [Русская разговорная 1973: 60; Пауфогима 1977: 217]). При регрессивном фонетическом изменении приоритет принадлежит произносительному *н а м е р е н и ю*, а не конкретному контакту между звуками.

Прогрессивно направленное фонетическое изменение, напротив, всегда реализуется на основе контактной (непосредственной) связи между звуками. Артикуляция второго звука меняется (если это синтагматически предусмотрено) только после того, как первый звук произнесен. В этой ситуации отрыв первого сегмента от второго сопровождается устранением изменения, происшедшего по правилам прогрессивного уподобления (в вологодском говоре при слогаделении – *йёише, рожджён'йо > йёиш/м'е, рож/д'ён'/йо*). Поэтому можно считать, что прогрессивно направленное фонетическое изменение реализуется в сегменте не длиннее соответствующего сочетания. В славянских диалектах прогрессивное изменение в звуковой последовательности редко

имеет диссимилиативный характер – и это понятно, поскольку конфронтация с непосредственно предшествующей артикуляцией затруднена.

Из сказанного можно заключить, что дистактная и контактная связи между звуками в фонетическом слове различны по своему динамическому статусу – дистактная связь планируется, но может и не реализоваться в виде соприкосновения звуков (прерванное произношение), а контактная связь – обусловлена моментом конкретно свершившегося произношения.

Дистактной и контактной связи между звуками может быть придана разная временная характеристика. Контактная связь – это онтологическое свойство любой звуковой последовательности. Дистактная связь – это в значительной степени инновация в славянской фонетике. Она нашла широкое поле применения после падения редуцированных, когда нарушается стереотип слова как последовательности открытых слогов, расширяется ассортимент консонантных сочетаний и появляются сочетания согласных с паузой, развивается регламентация вокальных компонентов слова.

В фонетическом слове программируются фонетические изменения, обусловленные названными двумя видами связи между звуками. Поскольку дистактные связи являются преимущественно инновацией, можно думать, что их внедрение в фонетическую программу могло происходить в конкуренции с контактными связями и с разной интенсивностью в разных языках/диалектах. Кроме того, смена модели, при которой слово образовывалось нанизыванием слогов на программируемую последовательность отдельных звуков, могла происходить с разной интенсивностью в разных диалектах.

Через призму этих принципов организации фонетической программы слова далее рассматриваются особенности синтагматики согласных, различающихся участием голоса в славянских диалектах.

Одним из результатов падения редуцированных явилась последовательность шумных согласных, неоднородных в отношении участия голоса в их образовании. Контраст по глухости/звонкости между рядом стоящими шумными согласными до падения редуцированных был невозможен, поскольку имеющиеся сочетания шумных согласных были однородны по участию голоса [Мейе 1951: 105]. Прежде чем обратиться к реакции на это новшество в славянской речи, следует иметь в виду следующее.

Падение редуцированных не было одномоментным явлением (фонетическим сдвигом), а процессом, протяженным во времени. В этой связи в [Сидоров 1966: 63] приводится мнение Бодуэна-де-Куртене, согласно которому существуют "переходные исторические стадии от полного существования к исчезновению звука", когда "имеется еще в душах говорящих воспоминание и представление известного звука, но без необходимости его исполнения". В.Н. Сидоров считает, что это в полной мере относится к падению редуцированных. А это означает, что перестройка конкретной фонетики слова и формирование на новой основе фонетической программы слова не были синхронны. Программа слова могла оказаться более консервативной и не поспевать за конкретной фонетикой. Подтверждением этого являются изменения, которым подверглись в славянских диалектах последовательности согласных, неоднородных в отношении голоса. Отражение этого в фонетической программе слова рассматривать следует отдельно в применении к консонантным сочетаниям, с одной стороны, и к сочетаниям согласных с паузой, с другой.

Сочетания шумных согласных, неоднородные в отношении участия голоса, имели альтернативное развитие в зависимости от того, включалась или нет антиципация второго согласного при выборе первого. Обусловленная антиципацией регрессивная ассимиляция согласных по участию голоса присутствует в большей части славянских диалектов. Так, в [FO 1981: 30, 282, 630] при реконструкции исходного состояния фонетики для включенных в сетку ОЛА словенских, хорватских, сербских, македонских говоров констатируется унифицированность по участию голоса сочетаний шумных согласных после падения редуцированных. То же относится к польской системе [OF 1982: 32].

Но в некоторых диалектах антиципация не включается в программу слова. В этом

случае как бы сохраняется фантомная память о гласном, разделявшем согласные ("воспоминание и представление известного звука"), и произносится последовательность согласных неоднородных в отношении участия голоса. При этом включение глухих и звонких согласных в фонетическую программу слова лишено параллелизма.

В славянской речи очень редко встречается отсутствие антиципации звонкого согласного при выборе предшествующего шумного. На отсутствие уподобления предлогов *от*, с следующим звонким в болгарском указывает [Георгиев 1985: 49], но в [Стойков 1961 : 154] об этом не сказано. Отсутствие же антиципации глухого согласного и, как следствие этого, произношение звонкого согласного перед глухим не является раритетным. Так, в состав украинских диалектных различий входит наличие/отсутствие звонких шумных согласных перед глухими, т.е. *ка́зка, ри́бка, сто-ро́жка / ка́ска, ри́пка, сторо́шка* [Жилко 1955 : 71,93, 161; Бевзенко 1980 : 200, 209]. Звонкие согласные перед глухими свойственны белорусским восточнополюсским говорам – *ры́бка, л’о́гко, ц’ег’ц’і, соло́дшы, рэ́дко, дз’а́дз’ко, л’э́з’ц’е* [Крывіцкі, Падлужны 1984 : 232].

Традиционно принято рассматривать регрессивную ассимиляцию по голосу как единый процесс, но в отдельных своих проявлениях имеющий разную хронологию: озвончение глухих происходило раньше, чем оглушение звонких, а произношение звонких перед глухими означает незаконченность процесса [Бернштейн 1961 : 263; Сидоров 1966 : 62]. В основе этого суждения лежит представление о том, что сразу после падения редуцированных глухие и звонкие согласные образовали один синтагматический класс и, в соответствии с этим, унификация рядом стоящих согласных по голосу задается как универсальный для славянских диалектов процесс, основанный на межзвуковом контакте. Однако объединение глухих и звонких согласных в один синтагматический класс для ранней эпохи не кажется бесспорным.

Как известно, глухие и звонкие согласные в принципе различаются не только участием голоса, но и уровнем напряженности основной артикуляции. Согласно [Брок 1910 : 49], это "разные степени в силе согласных образований", чему соответствует "большее или меньшее мышечное напряжение для создания традиционных степеней внутри согласного образования, тождественного в остальных отношениях". Так образуются артикуляции типа *fortis* и *lenis* (сильная и слабая). Глухость/звонкость и разная степень напряженности могут конкурировать в своей значимости для опознания согласного как звукотипа. От того, какой из признаков является доминирующим, зависит синтагматическое поведение согласных [Пауфошима 1987 : 100]. Исходя из артикуляционных особенностей шумных согласных в севернорусских говорах, некоторые авторы считают возможным констатировать в них и оппозицию по напряженности, а не по участию голоса [Русская диалектология 1989 : 72; Касаткин 1995; 1997; Пауфошима 1987]. Считается при этом, что оппозиция по напряженности согласных отражает более раннее состояние, чем различение по голосу.

Не касаясь функциональной характеристики глухих/звонких согласных, а учитывая лишь комбинацию артикуляционных параметров, вряд ли можно допустить их тождественное синтагматическое поведение после падения редуцированных. Если оценить унификацию по голосу как реализацию дистактных связей в пределах фонетической программы слова, то можно допустить следующее. Антиципация звонкого (или ненапряженного) и антиципация глухого (или напряженного) согласного как компоненты фонетической программы слова могли возникнуть независимо друг от друга, а не как элементы единого процесса. Поэтому современные модели типа [dt, dd] и [tt, dd], возможно, на находятся в отношении хронологической последовательности, а репрезентуют независимые друг от друга типы включения в фонетическую программу слова сочетаний шумных согласных, образовавшихся после падения редуцированных.

Для такой дифференциации имелись определенные основания. Частота сочетаний типа *td* после падения редуцированных была ниже, чем *dt*. Это связано с особенностью фонетического оформления приставок и суффиксов, так как новые сочетания согласных образовывались, главным образом, на стыке этих морфем с корнем. Приставки

чаще оканчиваются на звонкий согласный, а суффиксы начинаются преимущественно на глухой согласный. Отсюда и большая частота *dt* в сравнении с *td*. В возникшем после падения редуцированных сочетаний *td* после глухого/напряженного согласного следовал сегмент, образованный с голосом и сходный в этом отношении с гласным, т.е. вновь возникший контраст по звучности между последовательностями *tъd* и *td* был отчасти сглажен. Это облегчало включение в программу слова антиципации звонкого/ненапряженного согласного и озвончение глухого согласного. Тот же контраст между сегментами *dъt* и *dt* был более резким и поэтому ожидание гласного (память о гласном) после *d* могло задерживаться вопреки фонетической реальности. Это тормозило включение антиципации глухого/напряженного согласного в фонетическую программу слова и сохраняло звонкий согласный перед глухим. Допустимость сочетания типа *dt* – это знак архаической фонетики с недостаточной развитостью дистактных связей в звуковой цепи.

Прогрессивно направленное изменение по признаку голоса в консонантных сочетаниях в славянских диалектах происходит редко. Этим эксплицируется сохранение/усиление контактных связей между согласными в качестве противодействия возможному включению в программу слова дистактных связей. Так, в польских диалектах отмечается изменение *v > f* после шумных согласных – *šfeca, šfyńa, šferšć, ćferć, šf'entojaŋk'i, marxf'o* [OF 1984: 52, 57, 77]. То же свойственно македонским говорам – *sfat, sfaka, sfiñar, sfršen, šfaler, sfešća, žentfa* и др. [FO 1981: 636 и сл.]. Оглушение *v* в этих случаях означает усиление контактной связи в исконно существующих сочетаниях (**sveto, *světo*). В [Русская диалектология 1989: 77] приводятся примеры из русских (вероятно, северных) говоров – *тфoјó, сф'эжу, сфой, шф'еды*. Архаическое проявление контактной связи, как условия прогрессивного оглушения согласных, содержат нижнелужицкие диалекты в виде изменения *r > š* в праславянских сочетаниях *pr, tr, kr*, т.е. *pšawy, tšawa, kšyšo*, при отсутствии изменения в новых сочетаниях – *prose, strusk, krop* [Fasske 1964: 107; Калнынь 1989б: 160].

Редкое явление прогрессивного озвончения в сочетаниях согласных, образовавшихся после падения редуцированных, представлено в украинских надсянских говорах – *дон'ká* и *візгá* род. ед. от *візók* (т.е. изменение суффиксального *k > g*), *hr'édga, fid'gó, nibjgga, na dур'із'дз'і, ж'эбга, дóбга, піріжг'і, нáз'га* (Мостиский р-н Львовской обл.).

Синтагматическое значение позиции на конце слова для шумных согласных различается по диалектам и не всегда совпадает с тем, что происходит в консонантных сочетаниях. Существуют диалекты, в которых сочетание унифицированы по участию голоса, а на конце слова представлено различие глухих и звонких согласных, т.е. *tt, dd*, но *t# – d#*. Обратного соотношения, т.е. *t-d* перед согласным и только *t* на конце слова, в диалектах нет – если звонкость сохраняется перед согласным, то она допустима и на конце слова. Это дает [Жилко 1955: 93] основание утверждать в украинских говорах, что утрата звонкости в середине слова значительно больше выражена, чем в конце слова.

Существует мнение, что оглушение звонких согласных на конце слова является самым поздним проявлением начавшегося после падения редуцированных изменения шумных согласных по участию голоса [Бернштейн 1961: 263; Колесов 1980: 161]. Между тем, можно полагать, что основания для изменения согласных в названных позициях не были одинаковыми.

Падение редуцированных создавало на конце слова принципиально новую синтагматическую ситуацию – возникло сочетание согласного с паузой (С#), чего не было в праславянском. Унификация вновь возникших сочетаний по участию голоса имела синтагматический образец, известный по падению редуцированных. Для сочетания С# такого образца не было, а сама по себе пауза не подразумевала изменение уровня голосности предшествующего сегмента (ср. синтагматику сонантов). При произношении звонких шумных согласных на конце слова сохраняется старый консонантный состав

слова. Это явление, хотя и более редкое, чем оглушение конечных согласных, представлено в диалектах разных регионов Славии.

В словенских говорах, описанных в [FO 1981] – *zò:b, lè:d, mráz, rì:ž* (с. 85); сохранение звонкости связано с восходящим ударением на предшествующем гласном – *žà:p и žá'b, rì:p и rí:b, nó:h* (с. 54): возможно, в этом случае реализуется контактная связь в сегменте VC и подъем голоса при акуте задерживает звонкость следующего согласного.

В сербских говорах – сохранение или неполное оглушение конечных звонких согласных отмечено в [Peco 1980] – *drúg, hóg, nôž drúg^h, hóg^h, grád^h, zúh^p* (с. 29, 71, 72). То же в [FO 1981 : 561] – *lad, zid, grob, muž, nož, tuž, prag, rog* (так обозначена полувзвонность).

В серболужицких диалектах сочетания шумных согласных унифицированы по участию голоса. Поведение же шумных согласных на конце слова образует диалектное различие – в верхнелужицких говорах допустимы только глухие согласные, а в нижнелужицких представлена иная ситуация. Из диалектных описаний известно, что в н.-луж. говорах на конце слова может сохраняться оппозиция шумных согласных по участию голоса [Schroeder 1958 : 29, 37, 40; Michalk 1964]. Это же явление получает несколько иную интерпретацию в [SS 1990]. Здесь автор исходит из того, что согласные класса *fortis* и *lenis* могут менять артикуляционные параметры, связанные с участием голоса и уровнем напряженности, вне связи друг с другом. Если звонкий согласный утрачивает голос, но не повышает напряженность, он становится безголосым *lenis*, который следующим образом описан в [Брок 1910 : 59]: "голосовые связки при звонких согласных образуют в гортани преграду, невольно уменьшающую давление выдыхаемого тока в ротовой полости, а эта преграда в гортани может до известной степени сохраняться, хотя бы и исчезло звучание голоса". Такие безголосые *lenis* наряду со звонкими согласными, по данным [SS 1990], произносятся на конце слова во многих н.-луж. говорах. При этом отмечается, что между глухим и звонким *lenis* (b–b) акустическое различие меньше, чем между глухим *lenis* и глухим *fortis* (h–p) (с. 238). Это может указывать на то, что опознание согласных в большой степени определяется уровнем напряженности их артикуляции. Сказанному соответствует произношение типа *klěb//h, jašceb//h, sněg//g, fod//d, wyz//z* [Michalk 1964: 222].

О том, что в истории чешского языка после падения редуцированных был период, когда в качестве главной характеристики шумных согласных конкурировали признаки участия голоса и уровня напряженности, сказано в [Vachek 1958] – при утрате голоса звонким согласным сохранялась оппозиция между безголосым *lenis* в *led* и безголосым *fortis* в *let*.

В украинских и белорусских диалектах сохранение звонкости перед глухим согласным и перед паузой обычно сосуществуют [Жилко 1955: 93; Крывіцкі, Падлужны 1984: 232].

Разные стадии изменения конечного звонкого согласного сосуществуют в гуцульском говоре (Раховский р-н Закарпатская обл.). Здесь на месте звонкого согласного перед паузой произносятся: 1) согласный с ослабленным голосом, или полувзвонкий (✓ под буквой) и 2) безголосый *lenis*, т.е. глухой, но ненапряженный (∧ под буквой). Эти согласные оформляют фонетические дублиеты слов – *hreč//č, ob' ič//d, čel' ič' //č', v' ič//z, bud z//d z, zámuzj//ž, doždž//ž, kl' ež//z*.

Отсутствие оглушения конечных звонких согласных известно и некоторым русским говорам, как это показано в [ДАРЯ 1986, комментарий, 177]. Участие голоса в образовании конечных согласных иногда обозначается как *n^б, бⁿ, m^д, д^m* и под., что подразумевает неполную утрату голоса.

Замена звонкого согласного глухим означает снижение/утрату голоса и повышение напряженности. Такое изменение выглядит достаточно мотивированным при контакте со следующим согласным. Но пауза, являющаяся звуковым нулем, не содержит мотива для выключения голоса в предшествующем согласном. Хотя уже свершив-

шее изменение и может квалифицироваться как "антиципация безголосности паузы" [Брок 1910: 168], тем не менее оно не является результатом прямого уподобления согласного паузе. Понять это изменение можно, оценивая его как компонент фонетической программы слова.

Утрата конечных редуцированных гласных была одним из проявлений того, что конец слова находился в зоне сниженного произносительного внимания. В такой же ситуации оказался конечный согласный. Слабая напряженность звонкого согласного, не поддержанного следующим гласным, т.е. перед паузой, снижала его выразительность и могла способствовать его утрате независимо от того, сохранялся в нем голос или нет. Именно примеры такой утраты приводятся в [ДАРЯ 1986, комментарии, 177] – в одном южнорусском говоре при сохранении конечных звонких согласных утрачивается конечный *γ* – *дру, плу, кру, сто, ша, творь* (= творог).

В этом отношении показательно синтагматическое поведение фарингального спиранта *h* в некоторых украинских говорах. Особенность артикуляции этого спиранта состоит в ненапряженности и в неполном образовании голоса – "уже самые незначительные перемены голосовых связок в передней части щели ведут к безголосому *h*" [Брок 1910: 47, 48]. Попадая в речи в зону сниженного внимания, такая артикуляция может утратиться или замениться другим согласным. Примеры того и другого имеются в украинских говорах региона Карпат. В ответах на [Программа КДА 1967] конечный фарингальный спирант часто обозначен буквой в экспоненции, что означает ослабление артикуляции. Этому соответствуют комментарии, даваемые в ответах: "в *сн' i^h, бѣр' i^h* фарингальный согласный произносится как звонкое придыхание" (Калушский р-н Ивано-Франковской обл.). Это значит, что слабая напряженность становится еще слабее перед паузой и лишь сохранение голоса позволяет опознавать фарингальный спирант. Подобное ослабление артикуляции не распространяется на другие звонкие согласные в той же позиции, т.е. *сн' i^h, р' i^h*, но *н' iж, в' iз* (Стрыйский р-н Львовской обл.). Возможна и такая ситуация, когда *h* утрачивается при том, что звонкие согласные снижают уровень голоса перед паузой: *р' i, пор' i, снi* и *в' iз, н' iж, р' aд* (Долинский р-н Ивано-Франковской обл.). Характерно, что сами носители диалекта несматривая на крайнюю слабость *h* перед паузой не ощущают его отличия от *h* в других позициях, т.е. почти не слышный, напоминающий слабое придыхание спирант в *вiтаh^h#, обори^h#, лу^h#* носителями диалекта отождествляется с тем же спирантом в *вiтаh одѣн, лу^h у нас, обори^h на хорбiх* (Раховский р-н Закарпатской обл.).

В позиции между предшествующим гласным *i* и последующей паузой фарингальный спирант может заменяться спирантом *й*. Примеры из бойковского говора (Турковский р-н Львовской обл.): *порi^ha > пор' iй, б' ihati > в' iн' поб' iй, к' iн' б' iй, бѣрe^ha > бѣр' iй, обори^hi > обори' iй* [Калнынь 1973: 199]. Передвижение фрикативной артикуляции в среднеязычную зону обусловлено близостью места образования *h* и *i* и сходством по низкому уровню напряженности. В этой ассимиляции просматривается тенденция сохранить согласную артикуляцию в контуре фонетического слова. Реализация этой тенденции происходит только перед паузой, так как в этой ситуации *h* безальтернативно связан с предшествующим гласным, находясь с ним в одном слоге.

О том, что спиранты, локализованные в фарингальной/заднеязычной зоне, являются менее напряженными в сравнении с остальными согласными, свидетельствуют и факты из других славянских диалектов. В данном случае интересно, как это связано с участием голоса в артикуляции такого согласного.

В южнославянских диалектах специфическую синтагматику имеет спирант *x*. Будучи локализован вблизи голосовых связок и имея слабую напряженность, этот спирант воспринимает голосную артикуляцию в позициях V-V, V-Son. Так, по данным [FO 1981], примеры этого есть в сербских говорах – *s'na^xa, u^xo, si'ra^xa* (с. 525), *'mu^xa, 'ja^xa, 'nosa:yu, b'je^xu:* (с. 539). На озвончение *x* в позиции V-Son в болгарском языке обратил внимание О. Брок: приводя произношение *kúpi^xme, čú^xme*, автор отмечает,

что γ "звучало с весьма слабым велярным трением, находясь уже на переходе к голосному гортанному" [Брок 1910: 74, 166]. На это же указано в [Стойков 1942: 83]. Изменение $x > \gamma$ не только в позиции V-Son, но и V-V показано в ответах на [Програма 1969] – для пункта 3147 (Кортен Старо-Загорско) даются записи *гу убѣуа, нуштѣ ѱди, дрѣуи, утѣдууѣи, заклѣуа, да ѱрѣни, пѣуало*; знак γ определен как "звучно гърлено, но слабоучленявано x ". Сходное явление в македонских говорах фиксируется в [FO 1981] – *буѱ'na, риѱ'na, 'теѱmet* (с. 741). Здесь же в позициях V-Son и Son-V $x > v$ – общее между этими согласными только их веляризованность (низкий тон), но губной эквивалент x произносится с голосом: *mavna, evla, bevme* (с. 643), *bolva, mevlen, nivno, bevme* (с. 657).

Отдельные случаи такого же изменения спиранта x отмечены в польских говорах в [OF 1983]: *миѱа, теѱи, bez иѱа* (с. 62), *ѱoѱеѱу, сиѱу, тасоѱа* (с. 103). О слабости артикуляции задненебного спиранта перед паузой свидетельствуют и такие примеры как *da^x, k^uozu^x, stra, da, gro, bŕu* (с. 62).

Благодаря своей ненапряженности спирант x в южнославянских диалектах может после переднего гласного передвигаться в средненебный ряд и, получив при этом голосность, изменяться в j . Как показано выше, в украинских диалектах подобное преобразование претерпевал спирант h и только перед паузой. В говорах, описанных в [FO 1981], такого ограничения нет. Так, в хорватских говорах: *ori:j, sná:ja*, здесь же после лабиализованного гласного $x > v$, т.е. также реализуется подобие между согласным и предшествующим гласным – *'uvo, bú:va* (с. 251), *sně:ja, 'nijov, 'tije* (= *tiho*) и *'kuva, sŭ:vi, plŏva* (с. 347). В сербском – *strija, ki:ja, griji* (с. 462). В македонских – *nijno, suj lep*, а также *mej, orej, grej* (с. 727, 766). Замена конечного x средненебным спирантом отражает тенденцию сохранить фонетический контур слова как имеющий консонантное завершение. Контур мог быть нарушен в связи с возможностью утраты слабонапряженного спиранта x . Выразительным проявлением охранительного отношения к контуру слова в сербском говоре является изменение $x > g$ в конце слова – *órag, nú:g, gràg, pàstug, mišl'a:g, vižog, svìjeg* (с. 550).

Перечисленные факты синтагматического поведения спирантов h и x приводятся в качестве подтверждения того, что низкий уровень напряженности согласного, будучи чреват его утратой в звуковой цепи, помещает согласный в зону поисков способа противостоять его возможной утрате. В этой зоне объединены разные артикуляционные параметры, в том числе и отношение к участию голоса.

Исходя из сказанного, можно полагать, что в славянских диалектах как сохранение звонких согласных перед паузой, так и преобразование конечного согласного в виде $d > t$ было вызвано охранительным отношением к контуру слова. Это отношение было заложено в фонетическую программу слова и выражалось в сопротивлении возможному понижению акустической выразительности конечного согласного. В случае сохранения звонкого согласного на конце слова действовала антиципация уже утраченного редуцированного (фантомная память). При изменении $d > t$ перед паузой приоритет отдавался усилению напряженности, поскольку именно эта артикуляция эффективно фиксировала конец слова. Усиление напряженности согласного автоматически сопровождалось выключением голоса, так как звонкость комбинировалась с ненапряженностью. Как сказано выше, ослабление голоса при низкой напряженности не делало конечный согласный (безголосый *lenis*) более выразительным в сравнении со звонким *lenis* (ср. нижнелужицкую ситуацию).

Напряженность глухого согласного может сопровождаться придыханием, следующим после основной артикуляции [Касаткин 1995: 43]. Такое придыхание в особенности должно сопровождать ту напряженность, которая возникла как реакция на утрату конечного редуцированного. Известное подтверждение этого можно видеть в особенности артикуляции конечных согласных в одном болгарском говоре, описанном в [Калнынь, Попова 1993]. Здесь глухие согласные перед паузой усиливают артику-

ляцию рекурсии, т.е. ту фазу образования звука, когда речевые органы выходят из занятого положения. У *т, к* это создает эффект сильного придыхания, у *с, ш'* – эффект долгого спиранта; завершение *ц, ч'* воспринимается и как придыхание, и как долгий спирант. Произношение выглядит следующим образом: *п'ет⁺* (+ означает усиление рекурсии), *м'ет⁺, пот⁺, нар'ёт⁺, пръс⁺, ув'ёс⁺, нъл'иц⁺, нош'⁺, стаиш'⁺, к'ер'ёч⁺, доб'йтък⁺, б'алтък⁺*; определенно долгий спирант произносится в *мос.#, той мно́гу си прѡс.#, кръс.#*.

Охранительная тенденция в отношении конечного согласного (фонетического контура слова) может проявляться не только в повышении его напряженности/оглушении, но и в произношении гласного пазвука после звонкого согласного, что отмечено в русских говорах в [ДАРЯ 1990, комментарии, 177; Атлас 1957, комментарии, 558] – *хлѣбъ, хѡладъ, вѡзъ, гѡдъ, навѡзъ, мѡжъ, ѹжъ, халхѡзъ, пагѣбъ, сасѣдъ*. В этом случае как бы реставрируется (задерживается?) первоначальная вокальная артикуляция на конце слова. О том, что в чешских диалектах звонкость конечного согласного может поддерживаться вокальным пазвуком, т.е. *dub^ʷ, uid^ʷ*, сказано в [Lamprecht... 1986: 102].

Синтагматика согласных, различающихся участием голоса, имеет свои особенности и в условиях сандхи, т.е. на стыке слов. В славянских диалектах шумные согласные на стыке слов сочетаются с последующими сегментами *#t, #d, #V, #Son*.

Перед *#t, #d* на выбор согласного, оканчивающего предшествующее слово, накладываются ограничения в отношении голоса. Но реализуется это в разных диалектах неодинаково.

Часто это проявляется в унификации согласных по участию голоса по тем же правилам, как это происходит в слове. Если в слове только *tt, dd*, то и на стыке слов *#tt, #dd*. В основе этого лежит, в частности, оглушение звонкого согласного перед *#t* и озвончение глухого перед *#d*.

В рамках такой модели своеобразное синтагматическое поведение обнаруживает глухой согласный в гуцульском говоре (Раховский р-н Закарпатской обл.). Здесь в позиции перед *#d* (при том, что в слове *dd*) на месте глухого произносится согласный, в образовании которого принимает участие голос, однако распространяется он не на всю длительность согласного, а лишь на завершающую его часть, т.е. *t̪d*. Это означает, что антиципация сегмента *#d*, в сравнении с антиципацией *d* в слове, менее категорично требует изменения глухого согласного. Акустически эти согласные типа *t̪d* отличаются от неполнозвонких согласных перед паузой в *об'і́д, в'і́з*. Различие состоит в распределении звонкой и глухой частей согласного: перед *#d* сначала глухая, а потом звонкая часть, а перед паузой (*#*) – сначала звонкая, а потом глухая. Реализация такого вида сандхи выглядит следующим образом (согласный типа *t̪d* обозначен знаком ^ над буквой): *зуп к'ѣ́ннути, бут' тѣ́хо, не мош купѣ́ти, сѣ́н хлѣ́ну, п'і́н дѹ́же дѡ́брий, з'ѣ́м' бѹ́ѹ, нѣ́с хѡ́укае, та́к бѹ́де, хѡ́д' би і́х бо́ћ закрѣ́ѹ, вѣ́рх грун'ѣ́, хл'і́б з'з'і́сти, сн'і́д блѣ́ховий, в'і́з нѡ́ѹ* под. Получается, что в этом говоре существует возможность противопоставления согласных перед *#* из-за неполного оглушения звонкого, а перед *#d* – из-за неполного озвончения глухого (*нѣс – в'і́з, нѣс бѹѹ – в'і́з бѹѹ*).

Синтагматическая ситуация, при которой в слове – *dd, dt*, а на стыке слов *d#d, d#t*, представлена в белорусском полесском говоре (Лунинецкий р-н Брестской обл.) – *ба́бка, р'ѣ́дко, с'ѣ́рад хѡ́ты, дѹ́бчык, с'ц'ѣ́жка и а коб та́б'і́, с'нѣ́н па́даѣе, бо́ћ ты мо́й, сус'і́д куп'і́ѹ, дзѣ́д пам'і́ор, вѡ́з цы́лый, вѡ́чардз' ста́іц', асѡ́д хѣ́тый, снѡ́б жѣ́та, му́х дѡ́ста* и под.

Особую ситуацию репрезентует стык слов, первое из которых оканчивается на шумный согласный, а второе начинается на гласный или сонант, т.е. позиция перед *#V, #Son*. Имеются следующие варианты экспликации этого вида сандхи.

Звонкий согласный оглушается так же, как перед паузой. Например, в севернорусском говоре (Кологривский р-н Костромской обл.) – *руп од'ін, остаф на пол'іц'к'е, вэ'аф ёту комун'іску, в гла́т' вышыва́ла. сто́рош он ношнóй*.

Различаются глухой и звонкий согласный так же, как это имеет место перед гласным и сонорным в середине слова. Например, в гуцульском говоре (Раховский р-н Закарпатской обл.) – *хлоп р'іже, хо́луб лет'іў, хрэб одён, тут ласу́је так, за́раз убіў, на вас уважа́йу, бо́конч одён, до́ждж на плёчи, обор'іh на хорба́х, так и іа́, на см'іх оз'му́т, міh ёнаг зробі́ти*. То же в белорусском полесском говоре (Лунинецкий р-н Брестской обл.) – *сно́п аўса́, разд́уц' аhóн', н'эна́в'ідз' у л'удз'ей ук'іну́ласа, нож упа́ў, ба́б аш́укваі́уц', па́н'іb на хро́н'ц'і', дз'ёд ма́рму́че, йак у ка́ho, пры́бу́з у в'ёчеры, бо́h ііх в'ёда́йе*. Как показано в [Пауфошима 1983: 36], случаи сохранения оппозиции t–d перед #V_{Son} встречаются и в севернорусских говорах. Это явление, по словам автора, на фоне статистически преобладающего изменения типа t–d > t#V_{Son} "распространено едва ли не повсеместно на территории русского Севера".

Наконец, представлен такой тип сандхи, когда на стыке слов перед #V_{Son} не только сохраняются звонкие согласные, но и глухие заменяются звонкими. В условиях сандхи оказываются запрещенными сочетания, допустимые в слове, т.е. tV, t_{Son}. Выглядит это следующим образом в надсянском говоре (Мостиский р-н Львовской обл.) – *хл'іb мн'іўк'іў, мо́жі маў'с'ім л'ід мо́жі маў'дэ́війд' л'іт, вы́л'із ві́кно́м, пі́дэдз (= пец) на́біра́йі со́нуху, за до́з'дз' іе (= дость), пры́ждж мі зб́йіh на но́с'і, ка́жеж і пі́деж ду до́му, худо́г на но́ху, по́т'ік т'іг на т'і́м, ка́піл'у́h на хо́лу́ву, тута́ р'ідж іш́ла́ (= речь), р'іг уді́н*.

Допустимость только звонких согласных в позиции перед #V_{Son} свойственна польским говорам, имеющим так называемый "краковский тип сандхи". В [OF 1983] приводятся примеры такого произношения: *seż razy, kuńeż nosу, noż i żуń* (с. 17), *brad jest, ւեւ ofcu* (с. 34), *brad ojca, iż ode mię, fcaz rano, seż a p'ec, noż' i żej* (с. 72) и др.

Такой вид сандхи является следствием того, что на стыке слов звуковая последовательность регулируется антиципацией голосности сонанта и гласного, вследствие чего шумные согласные включают в свое образование голос. В слове нет подобного уподобления шумных согласных следующему гласному или сонанту, хотя связь между звуками в слове должна быть более тесной, чем на стыке слов. Брок, комментируя подобную ситуацию, заметил, что "для прикосновения разных слов принцип регрессивного голосного уподобления развился в более широких размерах, чем внутри отдельных слов" [Брок 1910: 168].

Озвончение шумных согласных перед #V_{Son} не может быть аргументировано непосредственным артикуляционным контактом. Это изменение реализует тенденцию не увеличивать после падения редуцированных на стыке слов количество сочетаний, контрастных по голосности. Включение антиципации гласного и сонанта в процесс выбора шумного согласного, оканчивающего предшествующее слово, исключило перепад голосности на стыке слов, поскольку последовательности, начинающиеся на согласный, приобрели вид t#t, d#d, d#V, d#_{Son}. Такая модель наиболее близка к оформлению сандхи до падения редуцированных, когда перепад голосности имел место только в [dʰ, tʰ#t] и отсутствовал в [tʰ, dʰ#d], [tʰ, dʰ#V], [tʰ, dʰ#_{Son}]. Озвончение глухих согласных перед #V_{Son} как бы компенсирует утрату *ʰ, обеспечивая ровное протекание голосности в условиях сандхи. При таком объяснении следовало бы признать, что модель [d#V_{Son}] наиболее категорически настаивает на старом типе протекания голосности на стыке слов.

Рассмотренные виды межсловной сандхи различаются в зависимости от включения в звуковую последовательность антиципации следующего согласного, т.е. от актуализации дистактных связей.

При [t#t, d#d, t#V_{Son}] – антиципация шумного согласного, как и внутри слова, а позиция перед гласным или сонантом следующего слова приравняется к паузе, в соответствии с чем у звонких согласных повышается напряженность и снижается голос.

При [t#t, d#d, t#Vson, d#Vson] – антиципация шумного согласного, а перед #Vson сохраняется ожидание голосного элемента (представление об утраченном гласном), что способствует стабильности шумных согласных. По своему значению позиция перед #Vson тождественна позиции в слове перед гласными и сонантами.

При [t#t, d#d, d#t, t#Vson, d#Vson] – антиципация глухого согласного не действует в отношении звонкого, поэтому d#t, а перед #Vson сохраняется ожидание голосного элемента как и в предыдущей модели.

При [t#t, d#d, d#Vson] – антиципация шумного согласного, как и в слове, а перед #Vson, в отличие от слова, запрещены глухие согласные. Этот вид сандхи порожден неприятием на стыке слов перепада голосности, ставшего возможным в результате падения редуцированных.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Различие в синтагматическом поведении глухих/звонких согласных в славянских диалектах зависит от того, включается ли в фонетическую программу слова антиципация следующего сегмента при выборе предшествующего согласного. Не исключено, что в ранний период после падения редуцированных глухие и звонкие согласные не были объединены в один синтагматический класс. Антиципация звонкого (или ненапряженного) и антиципация глухого (или напряженного) согласного в качестве компонентов фонетической программы слова могли возникнуть независимо друг от друга, а не в рамках единого процесса. Поэтому современные модели [dt, dd] и [tt, dd] могут и не находиться в отношении хронологической последовательности, отражая разные виды реакции шумных согласных на утрату редуцированных.

2. Отсутствие антиципации согласного обусловлено сохранением ожидания после первого согласного уже утраченного редуцированного гласного (сохранение представления о гласном). Это – один из случаев несовпадения фонетической программы слова и реальной фонетики.

3. Содержание изменения согласных по признаку голоса в сочетаниях dt, td, с одной стороны, и d#, с другой, неодинаково. В сочетании согласных происходит регрессивное, реже прогрессивное, уподобление по голосу и напряженности – в данной синтагматической ситуации сравнительный уровень приоритетов этих видов артикуляции не просматривается. Перед паузой же, в силу включенного в фонетическую программу охранительного отношения к концу слова, приоритет получает артикуляция напряженности, как средство, гарантирующее от ослабления и возможной утраты конечного звонкого согласного. Усиление напряженности автоматически выключает участие голоса в артикуляции согласного. Подтверждением того, что ситуации в слове и перед паузой различались, являются говоры, в которых сочетания шумных в слове унифицированы по участию голоса, а на конце слова актуальна оппозиция t–d.

4. Позиция перед #Vson отражает степень продвинутости фонетической модели слова в направлении новых отношений, становящихся актуальными после падения редуцированных. Модель t#Vson является наиболее новой. Модель t–d#Vson сохраняет память о старых отношениях до падения редуцированных. Модель d#Vson также ориентирована на старые отношения, но достигается это новыми средствами, а именно – недопустимостью перепада голосности на стыке слов.

5. В целом, разнообразие синтагматического поведения глухих и звонких шумных согласных в славянских диалектах отражает хронологию изменений, которым подвергалась фонетическая программа слова после падения редуцированных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас 1957, комментарии – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи. Справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957.
- Бевзенко С.П. 1980 – Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Бернштейн С.Б. 1961 – Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Брок О. 1910 – Очерк физиологии славянской речи. СПб, 1910.

- Вопросы теории 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Авнесова. М., 1962.
- Высотский С.С. 1978 – Предисловие // Сб. Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах / Под ред. С.С. Высотского. М., 1978.
- Георгиев В.И. 1985 – Проблеми на българския език. София, 1985.
- ДАРЯ 1986, комментарии – Дialeктологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вступительные статьи. М., 1986.
- Жилко Ф.Т. 1955 – Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
- Калнынь Л.Э. 1973 – Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973.
- Калнынь Л.Э. 1989а – Фонетика в Общеславянском лингвистическом атласе (ОЛА) // ОЛА. Материалы и исследования. 1985–1987. М., 1989.
- Калнынь Л.Э. 1989б – Нижнелужицкое оглушение вибранта как факт славянской фонетики // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989.
- Калнынь Л.Э., Попова Т.В. 1993 – Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии 2. Южнославянские диалекты. М., 1993.
- Касаткин Л.Л. 1995 – Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древнерусском и праславянских языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности // ВЯ. 1955. № 6.
- Касаткин Л.Л. 1997 – Некоторые особенности консонантизма говоров Гдовского р-на Псковской обл. // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Осло, 1997.
- Колесов В.В. 1980 – Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Крывіцкі А.А., Падлужны А.І. 1984 – Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
- Мейе А. 1951 – Общеславянский язык. М., 1951.
- Пауфошима Р.Ф. 1977 – О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Пауфошима Р.Ф. 1983 – Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.
- Пауфошима Р.Ф. 1987 – О связях характера примыкания и звукового эллипсиса с особенностями фонологической системы // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.
- Програма 1969 – Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас. София, 1969.
- Програма КДА 1967 – Программа собирания материалов для Карпатского диалектологического атласа // Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
- Русская диалектология 1989 – Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.
- Русская разговорная 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
- Сидоров В.Н. 1966 – Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Стойков Ст. 1961 – Увод в българската фонетика. София, 1961.
- Трубецкой Н.С. 1960 – Основы фонологии. М., 1960.
- Fasske H. 1964 – Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.
- FO 1981 – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajewo, 1981.
- Lamprecht A. ... 1986 – Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J. Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.
- Michalk S. 1964 – Zur Frage des sorbischen Sandhi (Satzphonetik) // ZfSl. 1964. IX. 2.
- OF – Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego".
- Topolińska Z. – Zeszyt I, 1982; Basara A., Basara J. – Zeszyt II, 1983; Zduńska H. – Zeszyt III, 1984, Warszawa.
- Peco A. 1980 – Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1980.
- SS 1990 – Sorbischer Sprachatlas 13. Synchronische Phonologie. Bautzen, 1990.
- Schroeder A. 1958 – Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Lautbeschreibung. Tübingen, 1958.
- Vachek J. 1958 – K znělostnímu protikladu souhlásek v češtině a angličtině // Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958.